

Вечерний пир погрузился в полный хаос из-за внезапного появления удельной княжны Сюй Сянь. Всего мгновение назад гости мирно беседовали за изысканно накрытыми столами, наслаждаясь угощениями, как вдруг в зал ворвалась разгневанная девушка. Вид у неё был свирепый. Не колеблясь ни секунды, она напрямик направилась к своему брату Сюй Му и с размаху пнула его так, что тот отлетел в сторону. Присутствующие так и застыли с открытыми ртами.

Сюй Сянь в несколько широких шагов настигла брата, мертвой хваткой вцепилась в его воротник и принялась осыпать градом ударов, сопровождая каждый тумаك яростной бранью:

— Ах ты мерзавец! Паршивая тварь с гнилым нутром! Кто только научил тебя этим грязным, низким уловкам?! Совсем страх потерял?! Прибью на месте!

Даже император Хундао ошеломленно замер. Ступор нарушил лишь пронзительный визг жертвы:

— Отец, спаси! Помогите! Ой-ёй!

Только тогда канцлер Сюй Вэньюань пришёл в себя. Выронив палочки для еды, он поспешил разнять детей:

— Сюй Сянь, что ты творишь?! Прекрати сейчас же!

Вместо ответа Сюй Сянь наотмашь влепила Сюй Му звонкую пощечину. Удар был такой силы, что у парня из уголка рта брызнула кровь. Канцлер опешил от такой дерзости и невольно застыл на месте, не смея шелохнуться.

Сюй Сянь тяжело дышала. Её пальцы мелко дрожали, глаза налились кровью. С трудом сдерживая подступающие к горлу рыдания, она ткнула пальцем в сторону съёжившегося брата:

— Тварь неблагодарная... Что ты наделал?! Неужели ты настолько меня ненавидишь? Если ненавидишь, почему не сказал мне в лицо?! Тебе ведь совсем мало лет, а ты уже пускаешься на такие подлости! Клянусь, я сегодня выбью из тебя всю эту дурь!

И она снова принялась нещадно колотить его руками и ногами.

Наконец гости опомнились и бросились разнимать дерущихся. К тому моменту, как разъярённую девушку удалось оттащить, лицо Сюй Му превратилось в сплошной синяк. Жалобно скуля, он на четвереньках заполз за спину отца и в ужасе вцепился в подол его халата.

Сюй Вэньюань гневно прикрикнул:

— Дерзость! Сюй Сянь, ты хоть понимаешь, где находишься?! Как ты смеешь устраивать здесь этот балаган?!

Пытаясь вырваться из рук державших её придворных, она прокричала в ответ:

— А вы спросите у своего ненаглядного сыночка, что он сотворил!

Сюй Вэньюань бросил взгляд на съёжившегося позади отпрыска, но тот даже головы поднять не смел, дрожа мелкой дрожью.

— Даже если возникли споры, разве нельзя было решить это дома?! — канцлер аж задохнулся от ярости, его усы затряслись. — Зачем позорить семью при всём честном люде?! Тебе совсем чуждо приличие?!

Резким движением плеч Сюй Сянь освободилась от державших её слуг и смерила отца ледяным взглядом:

— Позорить семью? Вы считаете, я не сберегла ваше лицо?

С этими словами она вытянула из рукава нефритовую подвеску и, покачав её перед лицом канцлера, указала на брата:

— Спросите его сами. То, что я не высказала всё прилюдно, и есть величайшая милость, которую я оказала вашей репутации!

Канцлер сразу узнал вещицу — она принадлежала Сюй Му. Понимая, что сор из избы выносить нельзя, Сюй Вэньюань помрачнел ещё больше. С позеленевшим от злости лицом он рявкнул стражникам:

— Быстро уведите молодого господина и барышню! Живее!

Когда провинившихся увели, все взоры устремились на канцлера. Тот готов был сквозь землю провалиться от стыда. Торопливо опустившись на колени перед императорским столом, он взмолился:

— Ничтожный слуга виновен в том, что дурно воспитал дочь! Прошу Ваше Величество простить мою оплошность.

Император Хундао великодушно махнул рукой, давая понять, что не держит зла:

— Поднимитесь, канцлер, не стоит. Вы без остатка отдаёте себя служению государству Ин, неудивительно, что на домашние дела порой не остаётся времени.

— Служить государству — священный долг вашего верного слуги, — закивал Сюй Вэньюань, поспешно поднимаясь.

Император Хундао погладил бороду и как бы невзначай заметил:

— А ведь у вашей дочери весьма незаурядный, пылкий нрав.

Сидевшая подле него императрица Вэнь Юэгэ при этих словах заметно напряглась и украдкой покосилась на супруга. Тот же, судя по всему, пребывал в глубокой задумчивости, мысленно возвращаясь к воинственному облику юной Сюй Сянь.

Канцлер сглотнул подступивший к горлу ком и смиренно ответил:

— Девчонка просто не обтёсана, Ваше Величество. Характер у неё дикий.

— Ну зачем вы так? — добродушно рассмеялся государь. — Прямолинейная, смелая. Настоящая воительница среди женщин.

Пользуясь случаем, благородная наложница Шу обратилась к императору с просьбой позволить ей навестить младшего брата. Мысли повелителя сейчас были заняты другим, поэтому он, не вникая, дал своё согласие.

Прибыв к шатру Тоба Цзяюя, наложница Шу обнаружила, что внутренние покои заняты раненым Сюй Исанем, поэтому ей пришлось побеседовать с братом снаружи.

Вэнь Бай, посчитав своим долгом выразить признательность за недавнюю помощь, вышел к ним и почтительно поклонился:

— Приветствую благородную наложницу Шу.

Лицо гостьи озарила мягкая, спокойная улыбка. Слегка приподняв ладонь, она промолвила:

— Полно вам, молодой господин Вэнь, оставьте церемонии.

— И всё же я бесконечно благодарен вам за то, что вы выручили нас сегодня, — искренне произнес Вэнь Бай.

— Долг платежом красен, — без тени высокомерия отозвалась она. — Это скорее мне, Цзяжоу, следует благодарить вас. Если бы не ваша забота, А-Юй непременно нажил бы себе новых неприятностей.

Вэнь Бай открыто улыбнулся:

— А-Юй считает меня другом. А друзьям положено помогать друг другу, тут и говорить не о чем.

Наложница Шу бросила мимолётный взгляд в сторону полога шатра и участливо спросила:

— С вашим приятелем всё в порядке? Его раны неопасны? Государь пожаловал мне множество редких снадобий. Если что-то понадобится, только скажите А-Юю, он всё доставит.

— Премного благодарен, — отозвался Вэнь Бай. — Раны по большей части поверхностные, затянутся со временем, нужен лишь покой. Опасение вызывает только удар по голове — пока неясно, насколько сильно он пострадал.

В этот момент из-за плотной занавеси донёлся голос Цзян Цзибая:

— Вэнь Бай?

— Да, снаружи! — отозвался тот.

Полог приподнялся, и показался Цзян Цзибай.

— Вэнь Бай, ты не видел девушку Сюй?.. — начал было он, но тут же осёкся, заметив наложницу Шу, и поспешно склонил голову: — Приветствую вас, благородная наложница.

— Оставьте церемонии, наследный принц, — мягко ответила та.

Вэнь Бай удивлённо огляделся по сторонам:

— Как? Разве Сюй Сянь не внутри?

— Нет, — покачал головой Цзян Цзибай.

— Вы ведь о дочери канцлера Сюя говорите? — тихо спросила наложница Шу.

— Неужели вам довелось её видеть? — оживился Вэнь Бай.

— Увы, — вздохнула она. — Девушка Сюй только что устроила на пиру невообразимый скандал. Разнимали всем двором. В итоге канцлер лично увёл её прочь.

Молодые люди ошарашенно переглянулись. Закатить сцену прямо на императорском приёме? Это было в её духе, но всё же превосходило любые ожидания.

Выслушав подробный рассказ наложницы Шу, друзья лишь покачали головами. Очевидно, Сюй Сянь заранее просчитала, что они присмотрят за её подопечным, и со спокойной душой отправилась вершить расправу. Что ж, теперь забота о Сюй Исане целиком ложилась на их плечи, пока буря не утихнет.

Вскоре благородная наложница попрощалась и ушла. Тоба Цзяюй, приставив к раненому надёжную охрану и слуг, тоже удалился в соседний шатёр, оставив друзей наедине.

Вэнь Бай и Цзян Цзибай вместе покинули шатёр. Едва они отошли на приличное расстояние,

как Вэнь Бай шумно выдохнул и без сил навалился плечом на друга.

— Всё, я без задних ног... Ну и денёк.

Цзян Цзибай попытался его скинуть, но тот упрямо навалился снова. Делать было нечего — пришлось потащить эту полусонную тушу на себе.

— И куда мне тебя нести? Где твой шатёр?

Вэнь Бай на мгновение задумался. Гнев его старшего брата, Вэнь Сюаня, наверняка ещё не утих, так что возвращаться к себе было небезопасно.

— К тебе, — безапелляционно заявил он. — Без вариантов.

Цзян Цзибай резко ускорился. Лишившись опоры, Вэнь Бай покачнулся и едва не зарылся носом в сухую траву.

— Эй! — возмутился он. — Ты меня чуть не угробил!

— Время полночь, а ты всё паясничаешь, — проворчал Цзян Цзибай, даже не обернувшись.

Вэнь Бай нагнал его в два шага и снова привычно повис на чужом плече.

— Да ладно тебе, подожди меня. Трудно, что ли?

Вздыхнув, Цзян Цзибай вновь позволил ему навалиться. На губах его промелькнула едва заметная тёплая улыбка, хотя голос звучал всё так же ворчливо:

— Никакой выправки. Вечно как кисель.

Умывшись и сбросив верхние халаты, они улеглись на широкое ложе. Но сна у Вэнь Бая не было ни в одном глазу — он то и дело пихал друга в бок, донимая расспросами. Цзян Цзибай, чьи веки налились свинцовой тяжестью, лишь вяло отмахнулся:

— Отстань... Дай поспать.

Вэнь Бай почесал нос и с заговорщическим видом прошептал:

— Слушай, Цзибай, тут слухи ходят... Тебе сегодня невесту выбирали?

— Ерунда, — сонно буркнул тот.

— Ну же, не томи. Тебе давно пора остепениться. А то я подумаю, будто ты до сих пор тайно

сохнешь по барышне Ло и потому гонишь от себя других девиц. Мне же тогда житья от чувства вины не будет, — Вэнь Бай подпёр голову рукой и с лукавой усмешкой уставился на друга.

Цзян Цзибай, даже не открывая глаз, парировал:

— Разве не ты обещал возместить мне потерю?

— Да где я тебе девицу найду? Я же в благородных барышнях совсем не смыслю, — рассмеялся Вэнь Бай. — Я ведь предлагал в жёны себя, да ты сам отказался.

— Слишком сомнительная сделка. Я бы точно остался в убытке, — фыркнул Цзян Цзибай.

Вэнь Бай зашёлся беззвучным смехом и принялся дурачиться, катаясь по постели. В процессе он умудрился полностью стащить с друга одеяло. Ночные сумерки ранней осени тут же дохнули на Цзян Цзибая прохладой. Не выдержав, он резко сел и сердито ухватился за край полотна:

— Ты угомонишься сегодня или нет?! Спать ложись!

Почувствовав вкус новой забавы, Вэнь Бай мертвой хваткой вцепился в одеяло, утягивая его на себя.

— Цзибай, признайся: со своей будущей супругой ты тоже будешь воевать за постель? — дразнил он его, весело щурясь.

Терпение Цзян Цзибая лопнуло. Он резко разжал пальцы. Вэнь Бай, не ожидавший такой уловки, по инерции полетел назад и со всего маху приложился спиной о бревенчатую стену шатра. Раздался глухой стук. Вэнь Бай судорожно выдохнул, хватая ртом воздух — от резкой боли в груди спёрло дыхание.

Не успел пострадавший опомниться, как Цзян Цзибай навалился сверху, прижав его к матрасу и заблокировав шею локтем.

— Ну что, довёлся? Будешь ещё шуметь? — пригрозил он.

Вэнь Бай слабо похлопал его по руке, прохрипев:

— Пусти... правда, спина раскалывается.

— Ага, спина у него болит. А у меня от твоих бредней судороги в ногах, — зевнул Цзян Цзибай, уверенный, что это очередная уловка.

— Вот как? Тогда завтра же велю сварить для тебя крепкий костный бульон, — даже сквозь боль не удержался от шпильки Вэнь Бай.

Цзян Цзибай шутливо шлёпнул его по спине:

— Ах ты балабол, раз болит, помалкивал бы...

Договорить он не успел. Под его ладонью плечи Вэнь Бай судорожно вздрогнули, и тот глухо застонал. Рука Цзян Цзибая замерла. Сонливость мгновенно как рукой сняло.

— Постой... Тебе действительно больно?

Он тут же ослабил хватку и отстранился. Вэнь Бай, кривясь и потирая ушибленное место, тихонько проворчал:

— Стал бы я врать... От тебя ведь всё равно сочувствия не дождёшься. Тоже мне, благородный муж.

— Да замолчи ты, — буркнул Цзян Цзибай, нахмурившись. — Повернись и сними рубаху. Дай взглянуть.

Вэнь Бай не стал спорить. Послушно стянув через голову тонкую шёлковую ткань, он сел спиной к другу:

— Ну что там? Всё плохо?

— Синяк во всю спину, — Цзян Цзибай осторожно, едва касаясь кончиками пальцев, провёл по ушибленному месту. Кожа там уже начала наливаться багровой синевой. — Болит, когда трогаю?

— Если не шевелиться, то терпимо, — честно признался Вэнь Бай.

Стоило Цзян Цзибаю слегка надавить на припухлость, как Вэнь Бай взвыл:

— Ой-ой-ой! Больно же! Цзибай, у тебя руки из железа, что ли?! Понежнее нельзя?!

— Так тебе и надо, — ворчал тот, уже спускаясь с кровати. — Меньше будешь лезть на рожон.

— Цзибай, я тронут, — донёсся с постели насмешливый голос. — Неужели ты решил уступить мне всё ложе, а сам ляжешь на полу, лишь бы случайно не задеть раненого друга? Какое благородство! Хотя, надо признать, кровать тут и впрямь тесновата.

— Мечтать не вредно, — огрызнулся Цзян Цзибай, копаясь в вещах на столике.

— Мог бы проявить хоть каплю уважения к больному, — наставительно произнёс Вэнь Бай.

В этот момент Цзян Цзибай вернулся, держа в руках фарфоровую баночку, взятую из дорожной аптечки. Забравшись обратно на постель, он скомандовал:

— Ложись на живот и не вертись.

Вэнь Бай послушно уткнулся лицом в подушку.

— Мазь?

— Угу, — буркнул Цзян Цзибай, откупоривая крышку.

Он налил немного густого травяного масла на ладони, интенсивно растёр их, согревая, и мягкими, но сильными круговыми движениями начал втирать снадобье в ушибленную спину.

Вэнь Бай блаженно прикрыл глаза и слегка повернул голову:

— А у тебя неплохо получается. Даже приятно.

— Ещё бы. Лекарство из императорских запасов, — отозвался Цзян Цзибай, продолжая растирание.

Вэнь Бай уткнулся подбородком в сложенные руки и затих, мерно посапывая. Цзян Цзибай невольно засмотрелся на его спину. Если не брать в расчёт наливающиеся синевой кровоподтёки, у Вэнь Бая было на удивление гармоничное сложение.

Не только спина — весь его облик дышал изяществом и силой. Тонкий, подтянутый, без единой лишней складки, он обладал той лёгкой, упругой мускулатурой, какая бывает лишь у мастеров боевых искусств, привыкших к постоянному движению. Что бы он ни надел, любая одежда сидела на нём безупречно, подчёркивая благородную осанку и ту неповторимую, порывистую удаль, что так свойственна юности.

Цзян Цзибай вовремя спохватился и отвёл взгляд. Закончив с притирками, он аккуратно прилёг рядом и повернулся на бок. Лицо Вэнь Бая оказалось совсем близко. Мягкий свет догорающей свечи очерчивал его резкие, безупречные скулы и ложился на длинные ресницы, кончики которых золотились в полумраке. В этот миг, умиротворённо уткнувшись в подушку, Вэнь Бай казался необычайно кротким — зрелище непривычное и завораживающее.

— Ну что, налюбовался? — вдруг раздался негромкий смешок.

Вэнь Бай приоткрыл один глаз и, не меняя позы, лукаво воззрился на друга, заговорщически подмигнув.

Цзян Цзибай невольно улыбнулся и беззлобно щелкнул его по лбу:

— Спи давай, баламут. Всё бы тебе паясничать.

— Ну уж нет, теперь моя очередь на тебя смотреть, — слышался из темноты тихий, весёлый шёпот.

Цзян Цзибай предпочел промолчать и просто закрыл глаза, позволяя сну наконец увлечь его за собой.

<http://bllate.org/book/19392/1999282>